Иван Семёнович Кузнецов в контексте трех мифологий коллективизации[1]

Н.Г. Кедров

Николай Геннадьевич Кедров, кандидат исторических наук, научный сотрудник Вологодского государственного университета, 160000, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, 15. E-mail: nk149@yandex.ru

Статья посвящена анализу научных работ российского историка И.С. Кузнецова. Его труды рассматриваются в соотношении с тремя исторически сложившимися системами оценок коллективизации: 1) советской официальной концепцией 1960–1980-х гг.; 2) идеологией писателей-деревенщиков; 3) постсоветской парадигмой коллективизации. Кузнецова по праву считают пионером в изучении социальной психологии советского крестьянства. Автор указывает, что на становление Кузнецова как ученого большое влияние оказали труды Б.Ф. Поршнева, Н.Я. Гущина, В.П. Данилова. Кандидатская диссертация ученого в основных чертах соответствовала официальной советской модели осмысления коллективизации, однако затем его взгляды на предмет исследования претерпели серьезную эволюцию. В своей книге «Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е гг.» он предложил собственную концепцию предпосылок «великого перелома». В частности, историк фиксировал внимание на наличии многочисленных экономических, политических и социокультурных конфликтов в среде крестьянства накануне коллективизации. Этот вектор изучения серьезно расходился с мейнстримным направлением переосмысления этой проблемы в постсоветской науке. В результате, развивая свои идеи в 1990-е годы, Кузнецов фактически представил набор контраргументов сложившейся тогда парадигме коллективизации. Его идеи, оставшиеся почти незамеченными научным сообществом в то время, сегодня привлекают повышенное внимание ученых.

Ключевые слова: аграрная историография, коллективизация, историческая психология, историческая наука, деревенская культура, И.С. Кузнецов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-3-48-69

Время все расставляет на свои места. Однако в науке иногда случается так, что не только отдельные труды, но и целые направления оказываются на периферии общественного внимания только потому, что высказанные в них идеи не вполне созвучны «духу времени». Это правило вполне применимо и к разработке темы социальной психологии советского крестьянства. Несмотря

1. Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта № 15-31-01250 «Эволюция российской историографии коллективизации крестьянства».

на то что необходимость исследований в этой области многократно декларировалась в историографических обзорах начиная с 1970-х годов, этот сюжет так и не приобрел сколько-нибудь существенного влияния как в советской, так и в постсоветской науке. Даже обращение в 1990-е годы к опыту западной школы крестьяноведческих исследований, с ее концептами «моральной экономики» и «этики выживания», не привело к заметным сдвигам в выборе отечественными историками-аграрниками исследуемых сюжетов[2]. Вопрос о том, почему подходы исторической психологии оказались так и не востребованы в аграрной историографии, интересен сам по себе. В связи с этим есть потребность более детально взглянуть на развитие этого дискурса в контексте общей эволюции историографии коллективизации. По нашему мнению, решению поставленной задачи будет способствовать анализ работ Ивана Семёновича Кузнецова, которого без тени сомнения можно считать «первопроходцем» отечественной науки в исследовании социальной психологии советского крестьянства. В настоящей статье идеи историка рассматриваются в соотношении с тремя системами оценок коллективизации: 1) советской официальной концепции 1960–1980-х годов; 2) своеобразной идеологии писателей-деревенщиков, нашедшей в 1980–1990-е годы немало сторонников в научном мире; 3) постсоветской научной парадигмой. Поскольку каждая из них в определенной мере способствовала стереотипизации общественного сознания, автор счел возможным использовать по отношению к ним в метафорическом смысле понятие «мифология». Оно кажется уместным в данном контексте еще и потому, что исследования Кузнецова реально способствовали деконструкции порожденных этими идейными концептами научных и околонаучных заблуждений.

По собственному признанию Ивана Семёновича, заняться изучением исторической психологии его подвигло знакомство с трудами Б.Ф. Поршнева[3]. Появление последних совпало по времени с периодом обучения Кузнецова на истфаке, а затем в аспирантуре Новосибирского государственного университета. Исследования Поршнева действительно были ярким явлением в советской исторической науке. В условиях тотального диктата марксистского учения с его эпистемологией, нацеленной на познание социально-экономических структур и исторических закономерностей, Поршнев одним из первых обратил внимание на человеческое измерение истории. На страницах своих книг и статей он не только настаивал на изучении психоисторических явлений, но в отдельных случаях не боялся оспаривать частные постулаты самой

2. Любопытный анализ причин отторжения российским сообществом историков-аграрников языка и методов крестьяноведческих исследований дан в книге Д.И. Люкшина (Люкшин, 2006).
3. Интервью с И.С. Кузнецовым 17.06.2016 г.

теории (Поршнев, 1964; 1968; 1969; 1971). Поэтому нет ничего удивительного в том, что его работы произвели впечатление на молодого историка. Впрочем, интерес к исследованию исторической психологии вполне соответствовал задачам тогдашней программы советской аграрной историографии. Поставленная цель исследования генезиса социалистического общества вслед за социально-экономическими и социально-политическими процессами рано или поздно предполагала обращение историков и к социокультурным явлениям. Более того, ставшая в середине 1960-х официальной концепция коллективизации С.П. Трапезникова гласила, что «великий перелом» осуществили «сами крестьяне». Не отличаясь особой конкретностью, его труды открывали возможность для поиска тех или иных сдвигов, происходивших в сознании селян накануне коллективизации. Критика основных положений трапезниковской концепции коллективизации В.П. Даниловым не отрицала постановки вопроса о формировании предпосылок «великого перелома». Зерно спора состояло скорее в различном определении степени развития этого процесса. К тому же Данилов сосредоточился прежде всего на определении социально-экономических граней аграрной эволюции. Что касается социально-политической жизни, то такие явления, как «консолидация бедняцко-середняцких слоев вокруг рабочего класса и Коммунистической партии, рост их политической сознательности, организованности и активности, развертывание наступления на кулачество и обострение классовой борьбы...» в то время однозначно назывались им в числе предпосылок «социалистического переустройства сельского хозяйства» (Данилов, 2011б). Эта тема весьма интересовала и Н.Я. Гущина, ставшего учителем И.С. Кузнецова (Гущин, 1968). Вообще, задача исследования социально-психологических аспектов истории советской деревни неоднократно декларировалась в историографических обзорах 1970–1980-х годов (Волков, Данилов, Шерстобитов, 1977; Зеленин, 1982).

Защищенная в 1977 году в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР кандидатская диссертация Кузнецова в целом не выходила за рамки описанного выше историографического движения. Так, в частности, исследователь пришел к вполне ожидаемому выводу о «решительном повороте» бедняков и середняков в сторону колхозов накануне коллективизации (Кузнецов, 1977). Избранная Иваном Семёновичем модель исследования также была в целом характерной для советской историографии. От изложения деятельности отдельных институтов власти в деревне (деревенских ячеек партии, советов, кресткомов и т. д.) историк переходил к описанию крестьянской реакции на те или иные акции советского государства. Представленная в работе расстановка сил в деревне также выглядела традиционно (противоборствующие друг другу бедняцкий актив и кулачество и колеблющиеся между этими полюсами крестьяне-середняки). Однако, давая

оценку кандидатской диссертации Кузнецова с позиции современной историографии, следует иметь в виду несколько вещей. Во-первых, его работа была действительно первым в отечественной науке специальным обращением к теме социальной психологии советского крестьянства. Во-вторых, весьма любопытно то, что, выстраивая иерархию подсюжетов своего исследования, автор на первое место поставил фактор изменения сознания крестьян под влиянием классовой борьбы, а не пропаганды и деятельности колхозов. В сюжет о классовой борьбе в то время включали и некоторые репрессивные акции власти. Как впоследствии показали многочисленные работы постсоветского времени, именно раскулачивание либо его угроза стали реальным мотивом вступления многих крестьян в колхозы. В-третьих, диссертация Кузнецова отличалась большим объемом приводимых в ней мнений и оценок крестьян. В силу этого она не только рельефно высвечивала напряженность внутренней ситуации в деревне накануне «великого перелома», но и показывала широкий спектр существовавших в крестьянской среде мнений и оценок аграрной политики режима.

Дальнейший импульс изучению крестьянской культуры в советской науке был дан явлениями, лежащими за пределами академической среды. На формирование повышенного интереса к этой теме оказали влияние появление и сравнительно быстрый рост общественного влияния такого литературно-художественного течения, как деревенская проза (представленная именами Ф.А. Абрамова, В.И. Белова, Б.А. Можаева, В.М. Шукшина, В.Г. Распутина и других писателей). Она, так же как и советская аграрная историография, возникла в эпоху оттепели, однако в основе этого направления лежал еще один исторический процесс — урбанизация (или, образно говоря, «исчезновение» деревни). Просто-напросто советское общество в 1960–1970-е годы явственно осознало уход в прошлое старого крестьянского мира. Писатели-деревенщики были теми людьми, которые посредством художественного языка взялись воспеть эту утрату. В своих произведениях они попытались во всей красе запечатлеть жизнь уходящей (либо уже ушедшей) деревни, со всеми её многочисленными традициями, обычаями и порядками. Нравственным идеалом социального мироустройства, согласно идеологии деревенщиков, был назван мир российского доколхозного села[4]. Ему противопоставлялись дости-

4. Вологодский журналист и писатель В.В. Есипов, рассматривая публицистические произведения В.И. Белова эпохи перестройки, уже довольно давно обратил внимание на то, что его взгляды представляли собой вариант крайне консервативной идеологии, с оттенками шовинизма, изоляционизма и абсолютным неприятием всего идущего не от мира патриархальной деревни. (Есипов, 1999: 214–219). Идеология «почвенничества» была характерна и в целом для «деревенской» прозы как литературно-культурного явления. Очевидно, такая позиция не могла не импонировать части брежневского истеблишмента, боявшейся любых

жения городской культуры, а потому вмешательство государства, включая, разумеется, коллективизацию, в этот идеальный строй жизни прямо или подспудно трактовалось ими в негативном свете. В 1976 году в издательстве «Современник» увидели свет сразу две книги, повествующие о событиях, предшествовавших «великому перелому»: первая книга романа Б. Можаева «Мужики и бабы» и первые две части «Канунов» Белова. Основную фабулу внешнего конфликта в этих произведениях представляло противопоставление единого и самодостаточного крестьянского сообщества с практически одинокими, но поддерживаемыми властью, сторонниками преобразований, которые из карьерных побуждений предали ценности, взрастившей их крестьянской культуры. Несколько позже В. Белов написал книгу «Лад. Очерки о народной эстетике», претендующую уже на историко-этнографическое описание традиций и обычаев северорусской деревни. В силу усиливающейся регрессии советского сельского хозяйства и нарастающих в стране социальных проблем, творчество деревенщиков имело широкий общественный резонанс. В конечном итоге их взгляды стали одной из идейных основ сформировавшегося уже непосредственно в академической среде радикально-критического направления аграрной историографии и развернувшихся на рубеже 1980–1990-х годов острых дискуссий по вопросу о коллективизации.

В конце 1970-х годов тема крестьянской культуры заинтересовала В.П. Данилова. Об этом можно судить по его реакции во время обсуждения кандидатской диссертации В.А. Козлова «Рост культурного уровня крестьянства в 1917–1927 гг.» на заседании сектора социалистического преобразования сельского хозяйства в 1978 году. В целом весьма положительно отзываясь о проделанной автором диссертации работе, Данилов сделал ряд существенных замечаний относительно самой модели исследования. В частности, нарекания вызвал характерный для советской историографии подход, когда уровень культурности (сознательности) определялся через соотношение деятельности и настроений крестьян с задачами советской власти. Данилов отметил: «Культура не может быть сведена к повышению политической активности, к переходу от класса на отсталых позициях к классу с передовыми позициями». Мэтра также не устроило то, что автор диссертации рассматривал крестьянство исключительно как объект культурного воздействия со стороны власти и города. По этому поводу он замечал: «На крестьянство Вы смотрите как на среду, лишенную культуры. Но это не так. Речь должна идти о приобщении к такой-то культуре мас-

перемен. В силу этого постепенно власть в отношении писателей-деревенщиков перешла от практики цензурного ограничения к всемерной поддержке их творческих начинаний. Показателем этого может служить то, что практически все крупные представители данного направления в 1970–1980-е годы получили государственные премии СССР.

сы, находящейся в другой сфере культуры»[5]. Спустя несколько лет исследование Козлова вышло отдельной книгой (Козлов, 1983). Оно, бесспорно, было важным шагом вперед в изучении культурных процессов в советской деревне. В своей книге автор сумел собрать и обобщить многочисленные данные о росте грамотности, снижении религиозности, увеличении числа сельских библиотек и изб-читален и даже об изменениях в читательских интересах и словарном запасе крестьян. Однако присутствующий в ней подход, согласно которому из неких формальных количественных показателей делался вывод о росте политической сознательности крестьянства и его готовности к социалистическим преобразованиям, в то время уже не соответствовал характеру обсуждения этих проблем в советском обществе. Эта же исследовательская модель превалировала и в появившихся в то время первых статьях о социальной психологии жителей доколхозной деревни (Щетнев, 1978; Рогалина, Щетнев, 1982; Хвостова, 1982). Прозвучавшее в художественной литературе признание самодостаточности крестьянской культуры предполагало поиск историками новой модели ее анализа. Похоже, что произошедшие изменения в общественном сознании советского общества очень тонко уловил Данилов. Тем не менее из сказанного не следует, что ученый принял трактовку писателей-деревенщиков. Данилов слишком хорошо знал жизнь доколхозной российской деревни, чтобы ее идеализировать.

В 1980-е годы Данилов задумал написать книгу на эту тему. Монография «Культура и быт советской доколхозной деревни» значилась в институтских планах работы ученого на 1983–1987 годы[6]. Также переданная родственниками историка Калужскому педагогическому университету часть его личного архива содержит многочисленные копийные материалы из региональных архивов по социокультурной тематике. Это говорит о том, что Данилов глубоко и скрупулезно занялся изучением крестьянской культуры. В идейном отношении, вероятно, изначально монография мыслилась исследователем как некое продолжение его прежних работ по истории доколхозной деревни (Данилов, 1977; Данилов, 1979)[7]

5. Архив РАН. Ф. 1841. Оп. 1. Д. 1095. Л. 33–34 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 18 апреля 1978 г.).
6. Там же. Д. 1334. Л. 35 (Протокол заседания сектора социалистического преобразования сельского хозяйства. 22 апреля 1980 г.).
7. Структурирование прошлого на социально-экономические, социально-политические и социально-культурные явления было характерным для марксистской научной традиции. В этой типологии заметно влияние модели исследования, присущей позитивистской историографии, в рамках которой поэтапно рассматривалась политическая, демографическая, экономическая и интеллектуальная жизнь общества. Именно исходя из этого французский историк Л. Февр сравнивал последнюю с содержанием старого комода (Копосов, 2001: 163). Существенным отличием предложенной марксизмом модели рубрикации исторических

и, соответственно, должна была стать очередной антитезой официальной концепции. Однако по ходу работы над темой Данилов, по-видимому, несколько скорректировал полемическую направленность своего исследования. К сожалению, книги о крестьянской культуре он так и не написал. Начавшиеся в конце 1980-х годов бурные перемены жизни страны, а также борьба за утверждение в научном сообществе новой концепции коллективизации направили его энергию в иное русло. К этой теме ученый уже больше не вернулся. Тем не менее ко времени работы над книгой относятся две его статьи, заслуживающие самого серьезного внимания.

В первой из них рассматривались теоретические аспекты исследования темы крестьянской культуры. Как и во время обсуждения диссертации Козлова, Данилов критиковал присущий советской историографии подход, когда «историк изучает не столько сам культурно-исторический феномен с присущими ему внутренними закономерностями и особенностями, сколько его рост, понимаемый как рост культурности масс» (Данилов, 1983: 379). Однако главная идея статьи заключалась в том, что ученый связал характеристики культуры той или иной общности со строем материального производства (для крестьян — это мелкотоварное хозяйство). Казалось бы, сам по себе этот, вполне соответствующий духу советской науки, тезис не имел за собой полемического адресата, но Данилов сделал из него два любопытных вывода. Во-первых, это означало, что усиление товарности крестьянского хозяйства вело к разрушению соответствующего образа жизни. Вторая закономерность, по мнению историка, заключалась в том, что «чем более соединены, слиты (не расчленены) культура с производством и другими социальными сферами, тем меньше сфера собственно духовной культуры и — главное — тем меньше ее относительная самостоятельность» (Данилов, 1983: 385). Таким образом, ученый считал деревню далеко не идеальной средой духовного творчества, а распад крестьянской культуры признал естественным процессом. Эти положения в корне противоречили идеологии деревенщиков. Вторая статья «О русской частушке как источнике по истории деревни», являясь источниковедческой работой, казалось бы, не претендовала на расширенный контекст выводов (Данилов, 1987: 376–392). Но частушки сами по себе высвечивали многие далеко не идеальные стороны деревенской жизни: тяжелый труд, скудность домашнего инвентаря и одежды, недостаток и однообразие пищи, социальное расслоение. К тому же Данилов писал об отразившихся в частушках изменениях в сознании жителей деревни 1920-х годов. Он отмечал, что частушки фиксируют процессы начавшегося отхода от религии, рас-

явлений было лишь то, что он ставил экономику на первое место. В любом случае замечание Февра было связано с тем, что подобного рода рубрикации изначально накладывают на исследование истории априорную иерархию исследуемых факторов.

пада патриархальных семейно-бытовых порядков, проникновение в деревню новых знаний и представлений. Частушки, будучи творением крестьянского социума, свидетельствовали о том, что жители деревни в массе своей были отнюдь не чужды новых веяний, а сами эти веянья органично проникали в сельскую жизнь. Это была отнюдь не та модель взаимодействия, в которой хранившее многовековые устои предков крестьянство противостояло разрушительному влиянию города.

Все это говорит о том, что книга Данилова должна была бы стать оригинальным исследованием ряда актуальных проблем, оказавшихся в 1980-е годы предметом пристального внимания советского общества. Однако если Данилов свою работу о крестьянской культуре так и не написал, то Кузнецову как раз удалось завершить подобного рода исследование. Им стала вышедшая в 1992 году книга «Социальная психология Сибирского крестьянства в 1920-е годы». После защиты кандидатской диссертации Иван Семёнович связал свою судьбу с кафедрой отечественной истории Новосибирского государственного университета. Вообще период с конца 1970-х по начало 1990-х годов стал для Кузнецова временем его взросления как исследователя советской деревни. В эти годы сформировался его самостоятельный взгляд на проблемные вопросы. Постепенно историк отошел от характерной для советской аграрной историографии модели изучения культурных процессов в деревне. Так, уже в совместном с Н.Я. Гущиным докладе на Уфимской сессии аграрного симпозиума в 1982 году авторы критиковали подход, рассматривающий крестьянина исключительно как потребителя культуры (Гущин, Кузнецов, 1984: 67–68). В другой работе, упоминая о книге Козлова, Иван Семёнович отмечал ее соответствие традиционной для советской историографии парадигме (Кузнецов, 1990: 108). Но, пожалуй, самый главный сдвиг заключался в том, что историк перешел от описания культурно-идеологической работы различных советско-партийных институтов в деревне к исследованию непосредственно крестьянских взглядов и настроений. Вне всякого сомнения, Кузнецов прекрасно знал сочинения писателей-деревенщиков. Во всяком случае, ссылки на литературные образы из их произведений нередко можно встретить в его работах той поры. Однако по собственному признанию историка деревенская проза не оказала серьезного влияния на практику его исследований[8]. Не разделял, соответственно, ученый и идеи радикально-критического направления в осмыслении коллективизации. В ходе состоявшейся в 1988 году в Институте истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР дискуссии по проблеме «великого перелома» он поддержал своего учителя Гущина в споре с молодыми исследователями, претендующими на более радикальное переосмысление истории коллективизации. В частности, тогда

8. Интервью с И.С. Кузнецовым 17.06.2016 г.

Кузнецов отмечал, что выведенный В.И. Беловым в фигуре карьериста и завистника Игнашки Сопронова образ низового активиста был отнюдь не единственным «человеческим типом» деревни среди сторонников коренного преобразования сельского хозяйства («Великий перелом», 1989: 34–35). Позиция Кузнецова в общественно-политической дискуссии о коллективизации конца 1980-х годов в целом сопоставима с взглядами советских историков-аграрников поколения Данилова, ставших идейным ядром умеренно-критического направления. Конечно же, развернутый ответ на злободневные вопросы историк дал в уже отмеченной книге. В ней Иван Семёнович одинаково разошелся в оценках деревенских реалий 1920-х годов как с официальной советской концепцией коллективизации, так и с идеологией радикально-критического направления.

Прежде всего следует отметить, что работа Кузнецова опровергала старый миф советской историографии о том, что большинство крестьян поддерживало создание колхозов. Свое исследование Иван Семёнович начал с характеристики основ крестьянского мировоззрения. Он рассмотрел отношение крестьян к Богу, труду, собственности. Среди прочих черт, определяющих облик крестьянской ментальности, историк весьма точно подметил феномен своеобразной «ревности» селян к городу и всему городскому. Являясь глубинной чертой крестьянской идентичности, этот комплекс представлений находил различное воплощение в повседневной жизни деревни, например в неприятии интеллектуального труда, недоверии к образованию и в пренебрежительном отношении к интеллигенции. Уважение в этой среде вызывал лишь человек, занимавшийся сам непосредственным физическим трудом на земле и способный донести свою мысль на языке, доступном для крестьянского понимания (Кузнецов, 1992: 36–41)[9]. Таким образом, ни о каком авторитете коммунистов и рабочих в данной системе мировоззренческих координат речи не шло. И хотя, как верно указывал Кузнецов, этот комплекс представлений мог успешно использоваться режимом для разжигания противоречий внутри деревенского сообщества, недоверие к городу и всему городскому нередко переносилось на различного рода акции власти. Историк отмечал, что не следует обманываться количественным ростом колхозов в период 1920-х годов. Ссылаясь на данные обследований, он указывал, что многие колхозы того времени носили «фиктивный характер» и создавались с целью получения от власти тех или иных преференций (кредитов, льготной покупки сельскохозяйственной техники, освобождения от налогов). Уважитель-

9. В связи с этим автор приводил любопытные примеры восприятия крестьянами литературных произведений. Так, оказалось, что наибольшей популярностью в крестьянской среде пользовался Демьян Бедный, тогда как Б. Пастернака и С. Есенина некоторые представители крестьянского социума оценивали чуть ли не как государственных преступников.

ным отношением в крестьянской среде такие хозяйства, как правило, не пользовались. Напротив, «у основной массы крестьян уже первое знакомство с колхозами в период Гражданской войны сформировало стойкое недоверие к этим организациям» (Кузнецов, 1992: 54). Сама идея совместного коллективного труда противоречила крестьянскому представлению о независимости хозяйственной деятельности. Поэтому «коммуния» в сибирской деревне стала, по наблюдениям историка, прочно ассоциироваться с принудительным трудом.

Еще одним аспектом официальной советской концепции коллективизации, которого Кузнецов коснулся в своей книге, был вопрос о роли традиционного крестьянского коллективизма как предпосылки «великого перелома». В свое время С.П. Трапезников увидел в функционировании в 1920-е годы земельных обществ (крестьянской общины) одну из вех формирования колхозного строя (Трапезников, 1967: 78–79). Это мнение в своих работах активно оспаривал Данилов (Данилов, 2011в; Данилов, 2011г). Кузнецов взглянул на проблему с социокультурной стороны. Он отметил несколько любопытных моментов. Первый из них заключался в том, что представление о коллективизме как исконной черте русского крестьянства было преувеличено еще в дореволюционной (прежде всего народнической) литературе, в которой некоторые авторы выдавали свои представления за крестьянские. Второй момент был связан с тем, что в 1920-е годы даже в тех случаях, когда крестьяне искренне хотели создать коллективное хозяйство, их желание нередко наталкивалось на отторгаемую крестьянским мировоззрением бюрократическую регламентацию. Ничего общего с крестьянским коллективизмом «бумажная» волокита, связанная с созданием колхоза, не имела. И третий, пожалуй, главный момент. Центром хозяйственной жизни крестьянства оставался двор. Коллективные формы работ (супряги, помочи и т. д.) играли в экономике крестьянского хозяйства лишь вспомогательные функции. «При этом, — по словам Кузнецова, — неотъемлемым условием такого взаимодействия являлось сохранение хозяйственной самостоятельности крестьянского двора, отсутствие формализации коллективистских взаимоотношений, регулирование их на основе личного доверия и обычая» (Кузнецов, 1992: 51–52). Последние особенности до неузнаваемости отличали коллективный крестьянский труд от колхозного, так что, по мнению исследователя, ставить между ними знак равенства не было никаких оснований.

Справедливо критикуя издержки советской аграрной историографии, Кузнецов, не ушел, однако, в противоположную крайность, связанную с идеализацией деревни. Его книга содержала серьезный набор антитезисов воззрениям представителей радикально-критического направления. Последние, в частности, настаивали на коренном пересмотре проблемы социальной дифференциации в доколхозной деревне. Особенно острый спор на эту тему разго-

релся между академиком ВАСХНИЛ В.А. Тихоновым и В.П. Даниловым во время дискуссии о коллективизации, проходившей в редакции журнала «История СССР» в 1988 году. Тогда Тихонов попытался теоретически обосновать два весьма популярных в среде критиков колхозной системы тезиса: об отсутствии в советской деревне 1920-х годов кулака и поголовном лодырничестве сельской бедноты. Ему оппонировал Данилов, ссылаясь на данные сельскохозяйственной статистики и оценки экспертов-аграрников (Коллективизация, 1989). К анализу этой проблемы обратился в своей книге и Кузнецов. Он отмечал, что в основе обоих постулируемых Тихоновым мифов лежали весьма распространенные в крестьянской среде представления. Их появление ученый объяснял исходя из крестьянской этики, согласно которой, вне зависимости от материального достатка хозяйства, участие его владельца в физическом труде наделяло его высоким престижем внутри деревенского сообщества. Таким образом, речь шла не о бедности и богатстве как таковых, а об их справедливости с точки зрения крестьян (Кузнецов, 1992: 46). Вместе с тем исследование Кузнецова показывало, что картина социальных отношений на селе была более сложной. Помимо бедных и богатых крестьян в нэповской деревне существовали и различные виды трудовой мотивации, и различные типы уравнительных (эгалитарных) представлений. Описанное выше мнение об «отсутствии кулака» Кузнецов связывал с умеренным типом эгалитаризма. Эти настроения были направлены в первую очередь против городского населения. Однако помимо этого типа представлений у части сельского социума были сильны настроения и иного рода. Радикальное уравнительство было направлено уже против более успешных жителей деревни. Эти настроения, по мнению автора, «отражали недовольство малоимущих слоев деревни, порожденное реальными социально-экономическими противоречиями» (Кузнецов, 1992: 47–49). Поддержанные властью они стали одной из важных составляющих атмосферы «великого перелома». Вообще поиск факторов, обусловивших резкий всплеск насилия на селе эпохи коллективизации, стал одной из главных тем книги новосибирского историка.

В связи с этим Кузнецов обратился к анализу социально-психологических характеристик так называемого «авангарда деревни». Историк отмечал, что большая часть крестьянского населения Сибири в той или иной степени приняла участие в Гражданской войне. Последняя, несомненно, оставила свой след на людях. В военных условиях человек нередко был предоставлен сам себе, жил без оглядки на законы и государственные институты. Война учила его самостоятельно принимать решения и не стесняться применения насилия. В подтверждение этого Кузнецов отмечал широкое распространение в Сибири в начале 1920-х годов красного бандитизма, под которым обычно понимаются самовольные грабежи и расправы, осуществляемые представителями и сторонниками

советского государства на местах[10]. Позже властям удалось справиться с наиболее острыми его проявлениями, однако связанные с этим настроения нетерпимости по отношению к реальным и мнимым врагам, по мнению историка, сохранились вплоть до «великого перелома». В частности, носителями подобного рода ксенофобских установок были красные партизаны. Однако было бы неправильно сводить трагедию коллективизации к социальному опыту, полученному людьми в ходе Гражданской войны. В немалой степени разжиганию чувств социальной ненависти у населения способствовала деятельность государственной пропаганды. Идеология большевизма, насквозь пропитанная духом всеобъемлющей мессианской борьбы, раз за разом вбрасывала в массы образы новых злейших врагов режима. Ими назывались буржуи, белогвардейцы, кулаки. Использовались пропагандой для формирования образа врага как внутриполитические (борьба с партийными уклонами и оппозициями), так и внешнеполитические (распространение представлений о военной угрозе и неизбежности войны) процессы. Характерным было и то, что основным потребителем транслируемых пропагандой стереотипов оказывались, как правило, молодые выходцы из беднейших слоев деревни. Только что получившие начальное образование, отличавшиеся отсутствием жизненного опыта и невысоким культурным уровнем, они как данность воспринимали рисуемую советским агитпропом картину мира. Все это накладывалось на уже отмеченные социально-экономические противоречия и низкий уровень жизни в советской доколхозной деревне. В итоге Кузнецов пришел к выводу, что «к моменту коллективизации у сельского актива сформировалось представление о «кулаках» как о «нелюдях», достойных не только социального, но и физического уничтожения» (Кузнецов, 1992: 83). Сами активисты, в изображении историка, представлялись далеко не одинокими фигурами в деревенской жизни, а определенным слоем среди крестьянства, хотя и не столь значительным

10. О самом явлении см. (Шишкин, 1992). В нарушении норм «революционной законности» был замечен и начальник второго боевого участка Ачинско-Минусинского боевого района А.П. Голиков, будущий советский писатель Аркадий Гайдар. Исследование А.П. Шекшеева правда показало, что «подвиги» молодого командира были впоследствии сильно преувеличены как его апологетами, так и критиками (*Шекшеев А.П.* Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна // Жизнь и творчество Аркадия Гайдара [Электронный ресурс]. URL: https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html (Дата обращения: 19.05.2018)). Тем не менее этот эпизод можно рассматривать как частную грань более глобального социокультурного явления. Советский литературовед и диссидент Анатолий Якобсон еще в конце 1960-х годов обратил внимание на то, что распространенный в романтической поэзии 1920-х годов культ насилия стал одной из психологических предпосылок репрессий сталинского времени (Якобсон А. О романтической идеологии // Мемориальная страница Анатолия Якобсона [Электронный ресурс]. URL: http://www.antho.net/library/yacobson/texts/rom-ideologia.html (Дата обращения: 19.05.2018)).

по своей численности, но наиболее политически активным в общественной жизни деревни.

В своей работе о социальной психологии Кузнецов сумел хорошо расставить акценты. Он, подобно Одиссею, проведшему свой корабль между мифическими чудовищами, одинаково избежал притяжения двух основополагающих объяснений коллективизации своего времени, отсылающих либо к советскому государству, либо к самому крестьянству как основным двигателям этого процесса. В концепции Ивана Семёновича предпосылки «великого перелома» вытекали из взаимодействия этих двух акторов и исторических условий, являвшихся своего рода фоном (средой) первого, но в то же время способных структурировать и направлять этот процесс. Как нам представляется, то же самое можно сказать и об инструментально-методологическом аспекте проделанного им исследования. Здесь он также смог избежать крайностей. Вполне осознанно историк отказался от характерной для советской науки установки на использование количественных методов (в частности, контент-анализа) как основного инструмента познания социально-психологических реалий. Дело в том, что в основанных на его использовании работах выверение предварительных процедур и верификация результатов, по сути дела, подменяла историческую часть исследования. В то же время Кузнецов избежал присущей для весьма распространенных на рубеже 1980-х — 1990-х годов публицистических обращений к теме, приемов экстраполяции частностей на все явление. Идеи, высказанные тогда историком, стали основой его докторской диссертации, которая была успешно защищена в том же 1992 году. Впоследствии ученый занялся контекстуализацией своих наблюдений о социальной психологии в рамках более широкого проблемного поля (Кузнецов, 1995; Кузнецов, 2012), а затем и вовсе перешел к изучению тематики, никак не связанной с аграрной историей (в частности, историк вплоть до настоящего времени плодотворно занимается историей Новосибирского Академгородка). Однако спустя почти десятилетие увидела свет еще одна монография Кузнецова о крестьянстве (Кузнецов, 2001). Эта работа была расширенной (или лучше будет сказать, полной) версией книги 1992 года. Возможно, кто-то сочтет эту характеристику исчерпывающей. Но в ряде случаев авторские расширения высвечивали новые качества исследуемых явлений и, по сути дела, превращались в самостоятельные сюжеты.

Помимо существовавших в деревне социально-экономических и политических противоречий Кузнецов обратил внимание на ряд других социальных конфликтов в сибирской деревне. Как известно, Сибирь в первой трети XX века стала местом массового переселения крестьян из Европейской России. К концу 1920-х годов численность «новоселов» составляла порядка 37% населения Сибирского края (Кузнецов, 2001: 106). Вполне понятно, что местное и пришлое население отличались как по экономическим показателям, так

и по своим поведенческим характеристикам. Старожильческие крестьяне обычно обладали более высоким достатком, а для их психологического типа была характерна большая независимость, опора на собственные силы. Переселенцы, напротив, надежды на лучшую жизнь связывали с действиями государства. Отношения между этими двумя группами населения были отнюдь не всегда добрососедскими. Об этом, в частности, говорили бытовавшие в их среде пренебрежительные наименования представителей противоположных субобщностей. Так, «новоселы», подчеркивая «дикость» и «некультурность» местных крестьян, называли их «чалдонами». В свою очередь переселенцы вне зависимости от своей национальной принадлежности получили общее прозвище «хохлы». Этот социальный конфликт умело использовался властью для осуществления своих политических акций. Так, именно крестьяне-переселенцы рассматривались советскими функционерами как первоочередная база для создания коллективных хозяйств, тогда как основной мыслью, звучавшей в официальной риторике о старожильцах, стало подчеркивание их культурной отсталости. Иногда последние и вовсе прямо отождествлялись с кулачеством (Кузнецов, 2001: 106–112). Осуществление коллективизации в принципе усиливало социальную напряженность на селе, а отмеченное противоречие стало одним из дополнительных факторов, обусловивших резкую эскалацию насилия. Наконец, Кузнецов писал о конфликте «отцов» и «детей» в колхозной деревне. Сами по себе различия во взглядах между представителями различных поколений, наверное, присущи любому обществу, но в советской деревне 1920-х годов эти противоречия приобрели особенно острый характер. Прежде всего, вслед за Даниловым, Кузнецов отмечал, что советская деревня накануне коллективизации оказалась сравнительно молодой. В целом, по данным Данилова, в 1926 году ⅔ населения российской деревни были в возрасте до 25 лет. В Сибири численность этой возрастной группы составляла 62,1% (Кузнецов, 2001: 121). К тому же атмосфера революционных перемен раскрепостила молодое поколение селян, сделала его независимым от традиций крестьянского сообщества. Недовольство в этой среде вызывали монотонность и изнурительность аграрного труда, общинные порядки, где власть безоговорочно принадлежала главам дворохозяйств, ограниченные возможности культурной и общественно-политической самореализации. В массе своей сельская молодежь 1920-х годов мечтала покинуть деревню и перспективы своей дальнейшей жизни связывала с городом. Пренебрежение к крестьянским традициям нередко принимало демонстративные формы и проявлялось в показном безбожии, сексуальной распущенности, хулиганстве. Разумеется, молодежь была наиболее политизированной частью сельского населения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что «крестьянские сыновья, воспринявшие стереотипы официальной идеологии, со спокойной совестью принимали участие в массированном насилии над кресть-

янством» (Кузнецов, 2001: 133). Рассмотренные историком мотивы поддержки частью деревенских жителей акций власти перемешались между собой. Здесь важно подчеркнуть другое. Картина деревенской жизни в изображении Кузнецова оказалась насыщенной различного рода противоречиями. Само крестьянство выглядело в ней отнюдь не монолитом, противостоящим раздуваемому советским государством ветру перемен.

Более обстоятельную характеристику в новой книге получили и социально психологические установки большей, не политизированной части крестьянского социума. По мнению исследователя, политическая культура этого сегмента населения деревни соответствовала стадии перехода от патриархального к подданническому типу (Кузнецов, 2001: 157). Это, в свою очередь, накладывало отпечаток на воззрения и поведенческие стратегии крестьян. Прежде всего Кузнецов отмечал, что порожденная Революцией анархия, выражавшаяся в общем неуважении к закону, широком распространении бандитизма, преступности, хулиганства, разгуле «пьяной стихии», вызывала естественное возмущение у консервативной части крестьян. В деревне 1920-х годов многие надеялась на возрождение общественного порядка. В связи с этим было распространено мнение о мягкости советских законов, а восстановление стабильности связывалось с ужесточением наказаний и применением суровых репрессий к деструктивным элементам (Кузнецов, 2001: 147–148). При этом главная роль в процессе наведения порядка крестьянами отводилась центральной власти. Местные органы советской власти (сельсоветы и волисполкомы) не пользовались на селе каким-либо авторитетом, а представители деревенских партячеек сами нередко были источником административного беспредела. Для крестьян по отношению к ним были характерны нотки боязливости и враждебности. Конкретное недовольство действиями представителей власти на местах сопровождалось надеждой на «мудрость партии». Представлениям крестьян о центральной власти также были присущи определенные особенности. Одной из них была характерная для крестьянства персонификация власти, нашедшая выражение в формировании культа В.И. Ленина. Другой чертой было неприятие (а вернее, непонимание) политической борьбы. В силу этого лидеры разных уклонов и оппозиционных фракций в партии воспринимались деревенским сообществом отнюдь не как носители альтернативных программ политического и социально-экономического развития, а как деструктурирующие общество элементы. Хотя иногда их образы и могли обрести ореол «народного заступника», но чаще всего воспринимались крестьянами крайне негативно (Кузнецов, 2001: 162–180). В этих свойствах крестьянской психологии Кузнецов вполне обоснованно видел определенные социокультурные предпосылки для формирования тоталитарного государства. Исходя из анализа политической культуры крестьянства, ученый сделал и весьма любопытные выводы по поводу осуществления кол-

лективизации. В частности, он писал: «Ставя под сомнение тезис о всеобщей пассивности крестьянства перед лицом репрессивной политики, вряд ли правомерно, однако, впадать в противоположную крайность и преувеличивать масштабы и остроту крестьянского сопротивления» (Кузнецов, 2001: 155). Разрозненный и неорганизованный характер крестьянского протеста против осуществления «революции сверху» он объяснял не только беспощадным подавлением его со стороны власти, но и тем, что значительная часть крестьянства сохраняла доверие к правящему режиму.

Свою книгу Иван Семёнович назвал «На пути к “великому перелому”». Но путь к коллективизации в то время было принято искать не в тенденциях социокультурного развития деревни, а в кремлевских кабинетах и кулуарах партийных пленумов. Так, Данилов увидел его истоки в осуществляемых группой И.В. Сталина с целью борьбы за власть и консолидации партийной элиты, манипуляциях информацией (Данилов, 1999). А работавший на одной кафедре с Иваном Семёновичем С.А. Красильников объяснял курс на коллективизацию априорной необходимостью для тоталитарного государства борьбы с внешним и внутренним врагом (Красильников, 2003). Со времени осуществления историографической революции начала 1990-х годов историки даниловского поколения, по всей видимости, утратили надежды на возможное построение «социализма с человеческим лицом». Во всяком случае, об этом говорит их очевидное разочарование в проводимой властью программе аграрных реформ (Данилов, 2002; Данилов, 2011а). Сторонники же критического подхода среди молодых историков непосредственно занялись исследованием механизмов «революции сверху», в силу чего им стали более понятны нюансы, на которых настаивали мэтры из числа историков-шестидесятников. Новая историческая парадигма коллективизации стала своего рода результатом синтеза подходов и оценок, сложившихся на закате советской эпохи в рамках этих двух направлений аграрной историографии. Кузнецов же нашел свой собственный путь осмысления темы. Превосходное знание источников, способных охарактеризовать царившую в деревне накануне «великого перелома» атмосферу, позволило ему сохранить акцент своего исследования на изучении «низовых» процессов. В результате он представил оригинальную для своего времени концепцию предпосылок коллективизации, а его книга, по сути дела, стала набором контраргументов по отношению к постулатам сложившейся в 1990-е годы историографической парадигмы.

Эту книгу Кузнецова также можно назвать эпилогом отечественной исторической психологии. Автору в «техническом» отношении так и не удалось в полной мере выйти за рамки дискурса советской науки об общественном сознании классов. Описываемые в книге тенденции социокультурной эволюции крестьянства подразделялись им на позитивные (к которым парадоксальным образом отнесены рост политической грамотности и сохранение религиозности)

и негативные (нарастание уравнительных настроений и чувства классовой вражды). В этом делении легко увидеть характерную для марксистской историографии оценку исторических явлений по шкале их прогрессивности. Заметны в книге и следы советской концепции человека. Ученый практически не учитывал естественную для любого индивида прагматическую сторону поведения. Вместо этого в книге превалирует присущая советской антропологии черно-белая модель восприятия и осмысления человеческих поступков. При этом в дихотомии между карьеризмом и фанатизмом автор явное предпочтение отдавал последнему. Время выхода данной книги И.С. Кузнецова стало важным рубежом в развитии социокультурных исследований по истории советского общества. Примерно тогда же увидели свет работы В.П. Булдакова, С.В. Ярова, Б.И. Колоницкого, И.В. Нарского и ряда других исследователей, не только расширившие наше понимание конкретных проблем российской истории (прежде всего Русской революции), но и изменившие само место социокультурных исследований в иерархии отечественного гуманитарного знания (Булдаков, 1997; Яров, 1999; Поршнева, 2000; Колоницкий, 2001; Нарский, 2001; Чураков, 2004). Работа Кузнецова, разумеется, не претендовала на изменение сложившейся в то время парадигмы коллективизации. Вместе с тем она прекрасно демонстрировала неиспользованные возможности исторической психологии для анализа аграрной истории советского общества.

В некоторой степени сила исследователя определяется его способностью мыслить нетривиально, а следовательно, противостоять присущим его времени традициям трактовки тех или иных вопросов (сопротивляться невидимым нитям социального принуждения, говоря словами Э. Дюркгейма). Знание источников и блестящая эрудиция позволили Кузнецову мягко разойтись с основными характерными для его времени моделями прочтения темы коллективизации в отечественной науке. Свою исследовательскую деятельность на ниве изучения коллективизации Иван Семёнович начинал в рамках заданной официальной советской аграрной историографией исследовательской модели, но затем по мере углубления в тему отошел от предлагаемых ею подходов и оценок. Тем не менее не примкнул он и к сторонникам радикально-критического направления. Прекрасное знание источников и обращение к проблемному полю социальной психологии — этой *terra incognita* советской науки позволили ему на рубеже 1980-х — 1990-х годов предложить собственную оригинальную концепцию предпосылок коллективизации. Однако заложенный в ней вектор осмысления темы совершенно не совпадал с мейнстримным направлением в переосмыслении этого процесса в российской историографии. Со времени концептуализации в 1990-е годы новой парадигмы коллективизации оценки, высказанные в трудах историка, и вовсе превратились в своего рода «параллельную реальность» прочтения этого концепта. В силу этого обстоятельства его хорошо эмпирически фундирован-

ные и идейно богатые труды остались малозамеченными научным сообществом историков-аграрников. Дух эпохи не позволил ученым в полной мере осознать их яркость и новизну. Возможно, по этой же причине они так свежо выглядят сегодня.

Библиография

Булдаков В.П. (1997). Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.

«Великий перелом» (1989) в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. История, филология и философия. Вып. 1. Новосибирск.

Волков И.М., Данилов В.П., Шерстобитов В.П. (1977). Проблемы истории советского крестьянства // История СССР. № 3.

Гущин Н.Я. (1968). К вопросу о политических предпосылках коллективизации сельского хозяйства в Сибири // Вопросы истории советской Сибири. Новосибирск. С. 197-229.

Гущин Н.Я., Кузнецов И.С. (1984). Проблемы общественно-политической жизни советской деревни в период строительства социализма // XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа.

Данилов В.П. (2002). Аграрные реформы и аграрные революции в России (1861–2001) // Россия в XX веке: реформы и революции. Т. 1. М. С. 20-37.

Данилов В.П. (1999). Введение (истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы в 5-ти томах / Т. 1. М.

Данилов В.П. (2011а). Из истории «перестройки» (переживания шестидесятника-крестьяноведа) // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 2. М. С. 649-664.

Данилов В.П. (1983). К изучению культуры и быта советской доколхозной деревни // Советская культура. История и современность. М.

Данилов В.П. (2011б). К характеристике общественно-политической обстановки в советской деревне накануне коллективизации // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М.

Данилов В.П. (2011в). Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Данилов В.П. История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М. С. 51-76.

Данилов В.П. (2011г) Община в жизни советской доколхозной деревни // *Данилов В.П.* История крестьянства России в XX веке. Избранные труды. Ч. 1. М. С. 93-105.

Данилов В.П. (1987). О русской частушке как источнике по истории деревни // Советская культура. 70 лет развития. М.

Данилов В.П. (1977). Советская доколхозная деревня: население, землепользование, хозяйство. М.

Данилов В.П. (1979). Советская доколхозная деревня: социальная структура и социальные отношения. М.

Есипов В.В. (1999) Василий Белов как зеркало смуты // *Есипов В.В.* Провинциальные споры в конце XX века. Вологда. С. 214-219.

Зеленин И.Е. (1982). Общественно-политическая жизнь советской деревни в период социализма (Некоторые вопросы разработки и задачи исследования темы) // История СССР. № 4.

Козлов В.А. (1983). Культурная революция и крестьянство. 1921–1927 гг. (По материалам Европейской части РСФСР). М.

Коллективизация (1989): истоки, сущность, последствия. Беседа за «круглым столом» // История СССР. № 3.

Колоницкий Б.И. (2001). Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры Российской революции. СПб.

Копосов Н.Е. (2001). Как думают историки. М.

Красильников С.А. (2003). Серп и молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. М.

Кузнецов И.С. (1990). Массовая психология сибирского крестьянства и политическая жизнь деревни в 20-е гг. // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск.

Кузнецов И.С. (2001). На пути к «великому перелому». Люди и нравы сибирской деревни 1920- х гг. (Психоисторические очерки). Новосибирск.

Кузнецов И.С. (1977). Развитие общественного сознания сибирского крестьянства в период подготовки массовой коллективизации сельского хозяйства. Дисс. к.и.н. Новосибирск.

Кузнецов И.С. (1995). Советский тоталитаризм. Очерк психоистории. Новосибирск.

Кузнецов И.С. (1992). Социальная психология сибирского крестьянства в 1920-е годы. Новосибирск.

Кузнецов И.С. (2012). Социально-психологические факторы формирования сталинской мобилизационной модели // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. Т. 11. № 8. С. 104-133.

Люкшин Д.И. (2006). Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.

Нарский И.В. (2001). Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М.

Поршнев Б.Ф. (1969). В.И. Ленин и проблемы социальной психологии. Доклад на научной конференции по теме: «Ленинский этап в развитии марксистской философии». М.

Поршнев Б.Ф. (1964). Принципы социально-этнической психологии. М.

Поршнев Б.Ф. (1971). Контрсуггестия и история (элементарное социально-психологическое явление и трансформация в развитии человечества) // История и психология. М. С. 7-35.

Поршнев Б.Ф. (1968). Социальная психология и история. М.

Поршнева О.С. (2000). Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 — март 1918 гг.). Екатеринбург.

Рогалина Н.Л., Щетнев В.Е. (1982). Динамика психологии и общественных настроений крестьянства в 20-е годы // Становление и развитие социального образа жизни в советской деревне. Воронеж. С. 83-89.

Трапезников С.П. (1967). Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. 2. М.

Хвостова Л.Б. (1982). Советская кооперация и общественное сознание крестьянства во второй половине 1920-х годов (историографический обзор) // Вестник МГУ. Сер. 8. История. № 1. С. 24-30.

Чураков Д.О. (2004). Революция, государство, рабочий протест: форма, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917–1918 годы. М.

Шекшеев А.П. Гайдар и красный бандитизм: последняя тайна // Жизнь и творчество Аркадия Гайдара [Электронный ресурс]. URL: https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html (Дата обращения: 19.05.2018).

Шишкин В.И. (1992). Красный бандитизм в Советской Сибири // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск.

Щетнев В.Е. (1978). Ленинский кооперативный план и некоторые вопросы социальной психологии крестьянства // Ленинский кооперативный план и современная деревня. Материалы XVII сессии по изучению проблем аграрной истории. Ростов-на-Дону. С. 163-180.

Якобсон А. О романтической идеологии // Мемориальная страница Анатолия Якобсона [Электронный ресурс]. URL: http://www.antho.net/library/yacobson/texts/rom-ideologia.html (Дата обращения: 19.05.2018).

Яров С.В. (1999). Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917–1923 гг. СПб.

Ivan Semenovich Kuznetsov in the context of three mythologies of collectivization

Nikolay Kedrov, PhD (History), Researcher, Vologda State University; 160000, Russia, Vologda, Lenina St., 15. E-mail: nk149@yandex.ru.

The article considers scientific works of the Russian historian I.S. Kuznetsov in the context of three historical approaches to assessing collectivization: 1) the Soviet official approach of the 1960-1980s; 2) the ideology of the so called "village writers"; 3) the post-Soviet interpretation of collectivization. Kuznetsov is rightly called a pioneer of the study of the Soviet peasantry's social psychology. The author argues that Kuznetsov as a scientist was greatly influenced by the works of B.F. Porshnev, N.Ya. Guschin, V.P. Danilov. His PhD thesis basically corresponded to the official Soviet model of interpreting collectivization but later his views on it seriously changed. In the book *Social Psychology of the Siberian Peasantry in the 1920s*, he proposed his own theory of the prerequisites of the "great change", in particular focusing on numerous economic, political, and social-cultural conflicts among the peasantry on the eve of collectivization. Such an approach was very different from the mainstream interpretations of collectivization in the post-Soviet science. Thus, when developing his ideas in the 1990s, Kuznetsov actually presented a set of counter-arguments to the dominant theory of collectivization. At that time his ideas were ignored by the scientific community but today they attract its attention.

Key words: agrarian historiography, collectivization, historical psychology, historical science, rural culture, I.S. Kuznetsov

References

Buldakov V.P. (1997) *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red Discord. Nature and Consequences of Revolutionary Violence], Moscow.

"Veliky perelom" v derevne (diskussiya po problemam kollektivizatsii) (1989) ["Great change" in the village (debates on collectivization issues)]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Serija: Istoriya, filologiya i filosofiya*, vyp. 1, Novosibirsk.

Volkov I.M., Danilov V.P., Sherstobitov V.P. (1977) Problemy istorii sovetskogo krestyanstva [Problems of history of the Soviet peasantry]. *Istoriya SSSR, no* 3.

Gushchin N.Ya. (1968) K voprosu o politicheskih predposylkah kollektivizatsii selskogo hozyajstva v Sibiri [On the political prerequisites of agricultural collectivization in Siberia]. *Voprosy istorii sovetskoj Sibiri,* Novosibirsk, pp. 197-229.

Gushchin N.Ya., Kuznetsov I.S. (1984) Problemy obschestvenno-politicheskoj zhizni sovetskoj derevni v period stroitelstva sotsializma [Problems of the social-political life of the Soviet village under construction of socialism]. *XXVI s'ezd KPSS i problemy agrarnoj istorii SSSR (socialno-politicheskoe razvitie derevni*), Ufa.

Danilov V.P. (2002) Agrarnye reformy i agrarnye revolyutsii v Rossii (1861-2001) [Agrarian reforms and agrarian revolutions in Russia (1861–2001)]. *Rossiya v XIX veke: reformy i revolyutsii.* Moscow, vol. 1, pp. 20-37.

Danilov V.P. (1999) Vvedenie (istoki i nachalo derevenskoj tragedii) [Introduction (origins and beginning of the village tragedy)]. *Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy v 5-ti tomah*, vol. 1, Moscow.

Danilov V.P. (2011a) Iz istorii "perestrojki" (perezhivaniya shestidesyatnika-krestyanoveda) [From the history of "perestroika" (perception of a sixtier-representative of peasant studies)]. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy,* Moscow, vol. 2, pp. 649-664.

Danilov V.P. (1983) K izucheniyu kultury i byta sovetskoj dokolhoznoj derevni [On the study of culture and everyday life of the pre-collectivization Soviet village]. *Sovetskaya kultura. Istoriya i sovremennost,* Moscow.

Danilov V.P. (2011b) K kharakteristike obschestvenno-politicheskoj obstanovki v sovetskoj derevne na kanune kollektivizatsii [On the features of the social-political situation in the Soviet village on the eve of collectivization]. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy,* Moscow, vol. 1.

Danilov V.P. (2011v) Ob istoricheskih sudbah krestyanskoj obshchiny v Rossii [On the historical fates of the peasant community in Russia]. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy,* Moscow, vol. 1, pp. 51-76.

Danilov V.P. (2011g) Obshchina v zhizni sovetskoj dokolhoznoj derevni [Community in the life of the pre-collectivization Soviet village]. *Istoriya krestyanstva Rossii v XX veke. Izbrannye Trudy,* Moscow, vol. 1, pp. 93-105.

Danilov V.P. (1987) O russkoj chastushke kak istochnike po istorii derevni [On the Russian chastooshka as a source of data on the village history]. *Sovetskaya kultura. 70 let razvitiya,* Moscow.

Danilov V.P. (1977) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: naselenie, zemlepolzovanie, khozyajstvo* [Soviet Village before Collectivization: Population, Land Use, Economy], Moscow.

Danilov V.P. (1979) *Sovetskaya dokolhoznaya derevnya: socialnaya struktura i socialnye otnosheniya* [Soviet Village before Collectivization: Social Structure and Social Relations], Moscow.

Esipov V.V. (1999) Vasily Belov kak zerkalo smuty [Vasily Belov as a mirror of the discord]. *Provintsialnye spory v kontse XX veka*, Vologda, pp. 214-219.

Zelenin I.E. (1982) Obschestvenno-politicheskaya zhizn sovetskoj derevni v period socializma (Nekotorye voprosy razrabotki i zadachi issledovaniya temy) [Social-political life of the Soviet village under socialism (some issues of the theme and research objectives)]. *Istoriya SSSR,* no 4.

Kozlov V.A. (1983) *Kulturnaya revolyutsiya i krestyanstvo. 1921–1927 gg. (po materialam Evropejskoy chasti RSFSR)* [Cultural Revolution and Peasantry. 1921–1927 (on the data of the European part of RSFSR)], Moscow.

Kollektivizatsiya: istoki, suschnost, posledstviya. Beseda za “kruglym stolom” (1989) [Collectivization: origins, essence, consequences. A round-table discussion]. *Istoriya SSSR,* no 3.

Kolonitsy B.I. (2001) *Simvoly vlasti i borba za vlast: K izucheniyu politicheskoj kultury Rossijskoj revolyutsii* [Symbols of Power and Struggle for Power: On the Study of Political Culture of the Russian Revolution], Saint Petersburg.

Koposov N.E. (2001) *Kak dumayut istoriki* [How Historians Think], Moscow.

Krasilnikov S.A. (2003) *Serp i molokh. Krestyanskaya ssylka v Zapadnoj Sibiri v 1930-e gody* [Sickle and Moloch. Peasant Exile in Western Siberia in the 1930s], Moscow.

Kuznetsov I.S. (1990) Massovaya psikhologiya sibirskogo krestyanstva i politicheskaya zhizn derevni v 20-e gg. [Mass psychology of the Siberian peasantry and political life of the village in the 1920s]. *Aktualnye problemy istorii sovetskoj Sibiri,* Novosibirsk.

Kuzneysov I.S. (2001) *Na puti k “velikomu perelomu”. Lyudi i nravy sibirskoj derevni 1920-h gg. (psikhoistoricheskie ocherki)* [On the Road to “Great Change”. People and Morals of the Siberian Village in the 1920s (Psycho-Historical Essays)], Novosibirsk.

Kuznetsov I.S. (1977) *Razvitie obschestvennogo soznaniya sibirskogo krestyanstva v period podgotovki massovoj kollektivizataii selskogo hozyajstva* [Development of the Social Consciousness of the Siberian Peasantry under the Preparation of Mass Agricultural Collectivization]. Diss. k.i.n. Novosibirsk.

Kuznetsov I.S. (1995) *Sovetskij totalitarizm. Ocherk psikhoistorii* [Soviet Totalitarianism. A Psycho-Historical Essay], Novosibirsk.

Kuznetsov I.S. (1992) *Socialnaya psikhologiya sibirskogo krestyanstva v 1920-e gody* [Social Psychology of the Siberian Peasantry in the 1920s], Novosibirsk.

Kuznetsov I.S. (2012) Socialno-psikhologicheskie faktory formirovaniya stalinskoj mobilizatsionnoj modeli [Social-psychological factors of the development of the Stalin's mobilization model]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Istoriya, filologiya,* vol. 11, no 8, pp. 104-133.

Lyukshin D.I. (2006) *Vtoraya russkaya smuta: krestyanskoe izmerenie* [Second Russian Discord: A Peasant Measurement], Moscow.

Narsky I.V. (2001) *Zhizn v katastrofe. Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life under Disaster. Everyday Life of the Ural Population in 1917–1922], Moscow.

Porshnev B.F. (1969) *V.I. Lenin i problemy socialnoj psihologii. Doklad na nauchnoj konferentsii po teme: "Leninskij etap v razvitii marksistskoj filosofii".* [V.I. Lenin and Issues of Social Psychology. Presentation at the Scientific Conference "Lenin's Stage in the Development of Marxist Philosophy"], Moscow.

Porshnev B.F. (1964) *Printsipy socialno-etnicheskoj psihologii* [Principles of Social-Ethnic Psychology], Moscow.

Porshnev B.F. (1971) Kontrsuggestiya i istoriya (elementarnoe socialno-psikhologicheskoe yavlenie i transformatsiya v razvitii chelovechestva) [Counter-suggestion and history (elementary social-psychological phenomenon and transformation in the mankind evolution)]. *Istoriya i psihologiya,* Moscow, pp. 7-35.

Porshnev B.F. (1968) *Socialnaya psihologiya i istoriya* [Social Psychology and History], Moscow.

Porshneva O.S. (2000) *Mentalitet i socialnoe povedenie rabochih, krestyan i soldat Rossii v period Pervoj mirovoj vojny (1914 — mart 1918 gg.)* [Mentality and Social Behaviour of Russian Workers, Peasants and Soldiers in the First World War (1914 — March, 1918)], Ekaterinburg.

Rogalina N.L., Shchetnev V.E. (1982) Dinamika psikhologii i obschestvennyh nastroenij krestyanstva v 20-e gody [Dynamics of psychology and public mood of the peasantry in the 1920s]. *Stanovlenie i razvitie socialnogo obraza zhizni v sovetskoj derevne,* Voronezh, pp. 83-89.

Trapeznikov S.P. (1967) *Leninizm i agrarno-krestyanskij vopros* [Leninism and Agrarian-Peasant Question]. vol. 2, Moscow.

Khvostova L.B. (1982) Sovetskaya kooperatsiya i obschestvennoe soznanie krestyanstva vo vtoroj polovine 1920-h godov (istoriograficheskij obzor) [Soviet cooperation and social consciousness of the peasantry in the second half of the 1920s (a historiographic review)]. *Vestnik MGU. Serija 8: Istoriya,* no 1, pp. 24-30.

Churakov D.O. (2004) *Revolyutsiya, gosudarstvo, rabochij protest: forma, dinamika i priroda massovyh vystuplenij rabochih v Sovetskoj Rossii. 1917–1918 gody* [Revolution, State, and Workers' Protest: Form, Dynamics, and Nature of Workers' Mass Actions in Soviet Russia. 1917–1918], Moscow.

Sheksheev A.P. Gaidar i krasnij banditizm: poslednyaya tajna [Gaidar and red gangsterism: the last secret]. https://gaidar-ru.livejournal.com/28955.html.

Shishkin V.I. (1992) Krasnij banditizm v Sovetskoj Sibiri [Red gangsterism in Soviet Siberia]. *Sovetskaya istoriya: problemy i uroki,* Novosibirsk.

Shchetnev V. E. (1978) Leninskij kooperativnyj plan i nekotorye voprosy socialnoj psihologii krestyanstva [The Lenin's cooperative plan and some issues of the peasant social psychology]. *Leninskij kooperativnyj plan i sovremennaya derevnya. Materialy XVII sessii po izucheniyu problem agrarnoj istorii.* Rostov-na-Donu, pp. 163-180.

Yakobson A. *O romanticheskoj ideologii* [On the romantic ideology]. http://www.antho.net/library/yacobson/texts/rom-ideologia.html.

Yarov S.V. (1999) *Proletarij kak politik. Politicheskaya psihologiya rabochih Petrograda v 1917–1923 gg.* [Proletarian as Politician. Political Psychology of Workers in Petrograd in 1917–1923], Saint Petersburg.